№ 23. 2-ое Іюня 1878 года. Годъ XX.

Развлеченіе

Ridendo castigo mores

Журналъ юмористическій съ каррикатурами

Старый фокусникъ въ опасности.

Шутки чертей въ городѣ Перешляевѣ

РАЗСКАЗЪ.

I

Вы вѣроятно не знаете города Перешляева? Жаль. Это избавило бы меня отъ труда предпосылать моему правдивому разсказу нѣкоторыя подробности, касающіяся этого богоспасаемаго града. Но, что дѣлать? начинаю.

Городъ Перешляевъ стоитъ на берегу несудоходной, но довольно широкой и красивой рѣки Быстринки. Въ Перешляевѣ двѣ церкви, одна школа, одна гостинница и нѣсколько кабаковъ. Мѣстоположеніе города довольно красиво и онъ съ своими чистенькими, утопающими въ зелени садовъ домиками представляетъ очень привлекательный видъ. Живутъ перешляевцы тихо и скромно, твердо держатся кастоваго начала и водятъ компанію и дѣлятъ хлѣбъ-соль каждый въ подобающемъ ему кружкѣ. Дамы перешляевскія мастерицы поговорить и любятъ каждую тему разговора разобрать и обсудить всесторонне и безошибочно. Покрайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что онѣ вотъ уже пятый годъ спорятъ о томъ, розовый или голубой бантъ былъ на груди проѣзжавшей чрезъ Перешляевъ губернаторши. Благодаря этому банту, прекрасный полъ Перешляева раздѣлился на двѣ партіи. Отъ спора и столкновеній этихъ двухъ крайнихъ партій горше всего доставалось конечно центру, то-есть полу кургузому.

Разговорятся дамы гдѣ нибудь въ гостиной, ну хоть о службѣ на Пасхѣ.

— Какая хорошая ряса была надѣта на отцѣ Алексѣѣ, замѣтитъ одна дама,—и цвѣтъ голубой, точь въ точь какъ, помните, бантъ на губернаторшѣ.

— Ахъ, что вы, что вы! вступится другая,—я какъ сейчасъ помню, что на губернаторшѣ бантъ былъ не голубой, а розовый.

— Ну ужь нѣтъ-съ, ошибаетесь, споритъ первая.

— Нѣтъ, не ошибаюсь, а очень хорошо помню, доказываетъ вторая,—я еще тогда же замѣтила.

— Не правда, губернаторша блондинка, я сама была въ губерніи и знаю, что блондинкѣ больше идетъ голубой, чѣмъ розовый.

— Къ блондинкѣ идетъ и то, и другое.

Споръ иногда доходитъ до мелкихъ намековъ на разныя семейныя обстоятельства и кончается разрывомъ на нѣсколько дней между двумя-тремя семействами.

Мужья злятся и укоряютъ женъ, жены злятся и не хотятъ уступить одна другой. Непрекрасный полъ Перешляева болѣе уступчивъ и не такъ ретивъ на споры. Развѣ-развѣ заспорятъ иногда партнеры за преферансомъ, да и то сейчасъ же кончаютъ пререканія у стола съ закуской. Такимъ-то образомъ жили перешляевцы, споря о бантѣ губернаторши и о грошевыхъ преферансныхъ разсчетахъ. Какъ вдругъ судьба послала имъ новую тему для разговоровъ и темой этой занялись не только дамы, но и мущины. Дѣло въ томъ, что въ Перешляевѣ проживалъ помѣщикъ Нилъ Семеновичъ Курдюмовъ и онъ-то и послужилъ темою для разговоровъ перешляевцевъ. Нилъ Семеновичъ былъ мущина лѣтъ сорока двухъ-трехъ, толстый, лысый, потливый, но весельчакъ и хлѣбосолъ. Всѣ любили Нила Семеновича, всѣ приглашали его и всѣ съ удовольствіемъ посѣщали его обильные ужины и обѣды. Вдругъ Нилъ Семеновичъ пересталъ принимать къ себѣ и самъ очень рѣдко сталъ показываться въ обществѣ. Что же за причина этому? Причина была та, что въ домъ Курдюмова пріѣхала изъ губернскаго города дальняя его племянница. Племянница эта была молоденькая, прехорошенькая дѣвушка, недавно лишившаяся матери и поселившаяся у своего опекуна дяди, и наслѣдница очень большаго состоянія. Любопытство общества было затронуто, но не было удовлетворено. Перешляевскія дамы узнали только, что племянница Курдюмова молода, хороша и что зовутъ ее Юліей Николаевной. Рядомъ съ этимъ ходилъ слухъ, что Нилъ Семеновичъ прочитъ племянницу себѣ въ супруги и этимъ объясняли причину его уединенія. Племянница его не сдѣлала никому визита и не бывала даже въ церкви. Между тѣмъ не успѣло перешляевское общество успокоиться, какъ въ городѣ появилось нѣсколько новыхъ личностей. Личности эти были офицеры. Какъ разъ за утлымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Быстринку, находилось село Вознесенское и въ это-то село пришли изъ губернскаго города на стоянку два эскадрона кавалерійскаго полка. Офицеры этихъ эскадроновъ и запестрѣли въ гостиныхъ Перешляева. Общество перешляевское оживилось и тутъ же было страшно офраппировано: вскорѣ за прибытіемъ эскадроновъ въ Перешляевѣ началъ шалить бѣсъ. Для проказъ своихъ врагъ рода человѣческаго избралъ не иной какой пунктъ, какъ садъ Нила Семеновича Курдюмова. Нилъ Семеновичъ самъ разсказывалъ это нѣкоторымъ знакомымъ. Надъ проказами нечистаго хотя и сильно подтрунивалъ молоденькій корнетъ Ментиковъ, но это съ его стороны было не болѣе, какъ глумленіе надъ словами Курдюмова за то, что ни одинъ изъ офицеровъ не былъ принятъ въ его домѣ.

Какъ бы тамъ ни было, а казусы въ Перешляевѣ начались удивительные.

II

Первое свѣдѣніе о проказахъ нечистаго Нилъ Семеновичъ получилъ отъ своей старухи ключницы. Нилъ Семеновичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ длинной трубкою въ зубахъ, когда вошла старушка ключница.

— Что тебѣ? спросилъ Курдюмовъ.

— Да что, баринъ, я пришла сказать вамъ...

— Что?

— Не ладно у насъ.

— Какъ не ладно?

— Да не ладно, въ саду не ладно.

— Говори толкомъ, я ничего не понимаю.

— Да чтой-то я ужь которую ночь замѣчаю, бѣлыя тѣни какія-то межь кустовъ движутся.

— Ври больше.

— Ей-ей, право не лгу, сама видѣла.

Нилъ Семеновичъ пыхнулъ трубкой и посмотрѣлъ на старуху.

— Тѣни, говоришь? спросилъ онъ.

— Тѣни, батюшка баринъ, тѣни, бѣлыя, сама видѣла, покажутся межъ кустовъ и опять скроются, жутко индо смотрѣть, ей-ей, право.

— Гмъ, что же бы это такое было?... въ раздумьи проговорилъ Курдюмовъ.

— Ужь и сама не придумаю. Одно дѣло, въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, нечистый тревожитъ...

— Ну, чего тамъ, тревожно перебилъ Нилъ Семеновичъ.

Въ тотъ же день пріѣхавшая съ Юліей Николаевной молоденькая горничная Маша, смѣясь, вошла въ комнату своей барышни.

— Барышня, слышали вы? спросила она.

— Что?

— Да вишь ты, каждую ночь по саду у насъ черти ходятъ.

Юленька улыбнулаоь.

— Убирайся, сказала она.

— Право, я не лгу; дяденька вашъ очень встревожились, а Михѣевна ключница такъ та дала обѣщаніе десять денъ мяснаго не ѣсть.

Юленька вновь улыбнулась и выслала вонъ смѣющуюся фаворитку, замѣтивъ ей:

— Какъ это глупо, Маша.

— Что-жь, барышня, не я одна, а вся прислуга говоритъ, что если черти завелись, такъ это очень страшно.

— Ну, ну, ну.

Маша вышла, а Юленька. улыбаясь, посмотрѣла въ окно, выходящее въ садъ, и потомъ, подумавъ минуту, пошла къ дядѣ.

— Что это, дядя, у насъ? спросила она, входя.

— А что, душенька? переспросилъ тотъ.

— Да я слышала, что въ саду...

— Успокойся, мой другъ, замѣтилъ дядя,—такъ можетъ быть старухѣ почудилось, развѣ можно придавать этому значеніе?

Юленька повѣрила дядѣ и успокоилась. Не успокоилась однако Михѣевна ключница, и случился же съ нею престрашный и вмѣстѣ презабавный казусъ.

Узнала старуха, что на постояломъ дворѣ въ городѣ проживаетъ странница. Кому же лучше знать, какъ отдѣлаться отъ затѣй бѣсовскихъ, какъ не страницѣ? и Михѣевна пошла къ ней. Странница съ видомъ авторитета выслушала разсказъ Михѣевны и нашла, что помочь въ этомъ дѣлѣ возможно. Она дала Михѣевнѣ сткляночку воды, предварительно пошептавъ на нее, и приказала ночью, какъ только замѣтитъ она появленіе тѣней, идти въ садъ къ нимъ навстрѣчу и, не дойдя двухъ-трехъ шаговъ. прыснуть на нихъ изъ сткляночки, проговоривъ: «Аминь, аминь, разсыпься!» Если это кладъ, заключила странница,—то въ ту же минутую разсыплется золотомъ, а если нѣтъ, то исчезнетъ какъ паръ. Старуха отдала ей кровный цѣлковый и, взявъ драгоцѣнную сткляночку, отправилась домой. Помня замѣчаніе странницы, что молчаніе необходимо, старушка, не говоря никому ни слова, дождалась ночи и вышла въ садъ. Пока все было какъ слѣдуетъ. Но вдругъ не вдалекѣ отъ нея въ кустахъ появились двѣ тѣни. Ужасъ объялъ старуху, но вѣря въ силу чудодѣйственной стклянки, она храбро двинулась впередъ. Не доходя двухъ шаговъ, она плеснула изъ пузырька, громко проговоривъ: «Аминь, аминь, разсыпься!» Тѣни исчезли, но въ это время чортъ сзади кинулся на старуху и поднявъ ея платье, завязалъ его у ней надъ головою. Старуха лишилась чувствъ, такъ и нашли ее въ этомъ положеніи на утро.

Какъ тутъ было не повѣрить присутствію чертей?

Вѣрилъ въ нихъ и сапожникъ перешляевскій Акимычъ. Онъ имѣлъ похвальную привычку напиваться каждый вечеръ и поздно ночью возвращаться домой спать. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ казуса съ Михѣевной, Акимычъ, идя переулкомъ, въ который выходила калитка изъ сада Курдюмова, самъ, собственными своими глазами видѣлъ, какъ мимо его пронеслись какъ вѣтеръ двѣ тѣни, одна бѣлая, другая черная. Были ли тѣни на лошадяхъ или неслись по воздуху, Акимычъ за краткостію времени и темнотою замѣтить не могъ. Но что онѣ были очень страшны, тому служитъ вѣскимъ доказательствомъ моментальное отрезвленіе Акимыча.

Утромъ солдатъ, водившій на водопой лошадей, говорилъ ухарю Васюку, деньщику корнета Ментикова:

— А должно вы далече съ бариномъ-то своимъ ѣздили, лошади-то и къ утру не просохли.

На что Васюкъ отвѣчалъ односложнымъ:

— Да.

И нужно полагать, что очень далеко ѣздилъ минувшей ночью корнетъ Ментиковъ, потому что бѣлый китель его былъ настолько загрязненъ росой съ пылью, что онъ приказалъ Васюку отдать его вымыть и спросилъ себѣ чистый.

III

— Гмъ, разсуждалъ самъ съ собой на утро Нилъ Семеновичъ,—ежели это воры, то что у меня въ саду за драгоцѣнности, чтобы шататься имъ каждую ночь? Ежели же это напримѣръ черти, то что съ ихъ стороны за глупость завязывать старухѣ хвостъ на голову?

Курдюмовъ съ недоумѣніемъ качалъ головой и попыхивалъ своей длинной трубкой.

Какъ бы тамъ ни было, воры или черти, но въ саду кто-то бѣдокуритъ, кто-то посторонній бываетъ тамъ. Разузнать этотъ казусъ и разъяснить это странное явленіе было необходимо. Но какъ сдѣлать это? Курдюмовъ рѣшился во что бы то ни стало дознаться истины. Далъ себѣ слово хоть самого чорта поймать за рога и отучить отъ невѣжливыхъ посѣщеній своего сада.

— Какъ же поступить? думалъ онъ,—если это воры, то послѣ встрѣчи съ Михѣевной они не пойдутъ больше, боясь засады; если же это черти, то засада, не поможетъ. Слѣдоватльно и въ томъ, и въ другомъ случаѣ людей собирать не слѣдуетъ. Нужно просто потихоньку выйти на террасу и ждать, что будетъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, Нилъ Семеновичъ дождался ночи и когда въ домѣ все улеглось и уснуло, вышелъ на террасу и ждалъ. Прошло довольно времени, въ саду все обстояло благополучно. Сердце Курдюмова сильно билось, но онъ не терялъ присутствія духа и смотрѣлъ въ глубину сада. Но вотъ межъ кустовъ мелькнули двѣ тѣни; они, тихо двигаясь по дорожкамъ, то скрывались за листвою, то показывались въ промежуткахъ кустовъ и деревьевъ.

— Если это бѣсъ, подумалъ Нилъ Семеновичъ,—зачѣмъ бы ему выбирать дорожки, а не идти какъ духу, прямо? Это люди. Самое лучшее, что я сдѣлаю, это отрѣжу имъ путь къ калиткѣ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, Нилъ Семеновичъ, взявъ въ руку свою увѣсистую палку, торопливо пустился къ калиткѣ, стараясь скрываться за кустами. Вдругъ онъ за что-то запнулся и упалъ. Двѣ сильныя руки схватили его за плечи, кто-то насѣлъ ему на спину, предварительно закутавъ шлафрокомъ его лысую голову. Но Нилъ Семеновичъ не потерялся. Какъ только противникъ отпустилъ его, онъ вскочилъ на ноги, насколько возможно скоро распуталъ свою голову и бѣгомъ бросился къ калиткѣ.

Въ саду все было тихо и калитка была заперта. Какъ на грѣхъ, Акимычу вновь пришлось видѣть двухъ чертей, пронесшихся мимо его. Вновь моментально отрезвѣлъ Акимычъ и на этотъ разъ окончательно обидѣлся на нечистую силу. Еще бы не обидѣться: человѣкъ пилъ, тратилъ на выпивку деньги и вдругъ все его стараніе, вся его трата пошли даромъ. Купленный такъ дорого хмѣль испарился въ одно мгновеніе! Это, какъ хотите, взорветъ хоть кого.

На утро Васюкъ, подавая самоваръ корнету Ментикову, замѣтилъ, что баринъ слегка улыбается. Васюкъ поймалъ улыбку барина и самъ улыбнулся.

— Ты чему смѣешься? спросилъ тотъ.

— Такъ-съ, ваше б—діе.

— Нынче утромъ тебѣ нужно будетъ сходить въ Перешляевъ.

— Слушаю, ваше б—діе.

— Записку снесешь, да смотри поаккуратнѣе.

— Слушаю, ваше б—діе.

IV

Въ домѣ Нила Семеновича возбужденіе было на другой день страшное. Самъ онъ, насупивъ брови, дымя какъ паровозъ трубкою, въ волненіи ходилъ изъ одной комнаты въ другую.

— Гмъ, гмъ, нѣтъ, это не черти, не чертями пахнетъ это, думалъ онъ,—нѣтъ, это шашни у меня въ домѣ завелись. Только кто тутъ причиной? Неужели Юленька? Быть этого не можетъ. Развѣ Машка, ея горничная? Да тоже ничего замѣтнаго не было. Странно. Изъ остальной прислуги все бабье-то не изъ такихъ, а мужикамъ и безъ этого можно обойтись: Къ чему имъ по саду чертей гонять? Это нужно будетъ разузнать. Ну ужь если я поймаю, не проси милости, долго не позабудетъ.

Юленька, сидя въ своей комнатѣ, узнавъ объ этой исторіи, качала головой и улыбалась. Барышня не касалась ни до чертей, ни до воровъ, ни до интригъ, ей просто было смѣшно. Еще бы не забавно: вдругъ маленькій городишка Перешляевъ сдѣлался ареною чуть ли не романа во вкусѣ Понсона дю Террайля! Случаются вещи, которымъ нѣтъ объясненія, но надъ которыми можно смѣяться. Являются люди ли, черти ли, кто ихъ знаетъ, которые продѣлываютъ разныя штуки надъ почтеннымъ помѣщикомъ и его домочадцами и еще гдѣ же? въ его собственномъ саду! Все это и смѣшно, и досадно. Но нужно сказать, что хорошенькая Юленька досадовала не особенно сильно. Она скорѣе, если можно такъ вы-

разиться, индиферентно-иронически относилась къ этой исторіи.

Передъ обѣдомъ Маша подала ей письмо.

Юленька прочла письмо, живо написала отвѣтъ и, подавая его своей фавориткѣ, замѣтила:

— Ты смотри, осторожнѣе.

На что Маша моргнула однимъ глазкомъ и улыбнулась.

Раздосадованный и разобиженный таинственными посѣтителями своего сада, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ Нилъ Семеновичъ. Онъ рѣшился во что бы то ни стало проучить дерзкихъ насмѣшниковъ и для этого собралъ весь мужской персоналъ своей дворни. Согласно предпринятому имъ плану, въ саду, близъ калитки, должна была быть устроена засада; тотъ, кто непрошенный войдетъ въ садъ, долженъ быть схваченъ и приведенъ предъ ясныя очи Нила Семеновича. Лишь только наступила ночь, засада была уже на своихъ мѣстахъ, калитка заранѣе была отперта, а самъ Нилъ Семеновичъ, не желая повторенія вчерашняго казуса, остался на террасѣ. Тихо дремалъ густой, темный садъ. Изрѣдка легкій вѣтеръ шелеститъ вершинами деревьевъ, изрѣдка встрепенувшаяся птица перескакивала съ одного мѣста на другое, да шелестя по листвѣ, летѣла внизъ сломленная сухая вѣтка. Все было тихо и спокойно кругомъ. Нилъ Семеновичъ сидѣлъ на террасѣ и ждалъ. О, какъ боялся онъ, что ожидаемый недругъ не придетъ, что догадается о приготовленной ему встрѣчѣ! Но нѣтъ. Вотъ у калитки что-то зашумѣло, зашелестили кусты, послышались голоса, раздались тумаки и возгласы. Сердце Нила Семеновича дрогнуло. Онъ вскочилъ съ кресла и ждалъ, пока челядь тумаками подгоняла пойманнаго ею нарушителя барскаго спокойствія.

Наконецъ любитель прогулокъ по чужому саду былъ введенъ на террасу.

— Давай, давай его сюда! Давай его подлеца сюда! громкимъ шопотомъ распоряжался Нилъ Семеновичъ, отворяя дверь съ террасы въ комнату, въ которой горѣла свѣча.—Только тише, не шумите, прибавилъ Курдюмовъ,—барышню пожалуй разбудите.

Нилъ Семеновичъ во главѣ своихъ тѣлохранителей вошелъ въ комнату и остолбенѣлъ.

— Акимычъ! ты... крикнулъ онъ.

— Йя... еле выговорилъ дрожащій Акимычъ.

— Ты какъ же, братъ, это смѣлъ забраться въ мой садъ, а?

— Чч...ерти...

— Что?

— Охъ... н...не... знаю... пролепеталъ Акимычъ и повалился на полъ.

— Чортъ знаетъ что, ничего не понимаю! проговорилъ Курдюмовъ.

Дворня стояла въ недоумѣніи.

— Гдѣ вы этого стараго дурака взяли? спросилъ Нилъ Семеновичъ.

— Да въ садъ вошелъ,—началъ объяснять конюхъ,—только должно думалъ калитка-то заперта, знать постучаться хотѣлъ, торкнулся въ нее, она подалась, онъ и того и влетѣлъ въ садъ-отъ, тутъ я и сгребъ его.

— Дуракъ и вышелъ, сказалъ Курдюмовъ.

Случай этотъ объясняется весьма просто. Раздосадованный на непрошенное отрезвленіе своей персоны чертями два раза къ ряду и до-нельзя перепуганный сверхъестественной встрѣчею, Акимычъ, вѣрный своей системѣ напиваться каждый вечеръ, отправился въ капище Бахуса и на этотъ разъ рѣшилъ быть умнѣе. Что же нужно ему было сдѣлать, чтобы быть умнѣе? Нужно было вопервыхъ не пугаться, а во-вторыхъ не трезвѣть сразу. И для того, и для другаго нужно было поусердствовать въ выпивкѣ, что Акимычъ и потщился исполнить. Напившись какъ нужно, или вѣрнѣе какъ не слѣдовало, Акимычъ ощупью по стѣнкѣ пробирался домой. Мысль о чертяхъ не давала ему покоя, но онъ въ отмѣстку за эту навязчивость ругалъ всѣхъ чертей всѣми чертями на свѣтѣ, хотя и трусилъ сильно.

— Чче...рти! ш...што-о тткакое чче...рти?... Ччертъ и...ихъ возьми и больше нни...чего... бормоталъ онъ и подвигался впередъ, какъ бы катясь по стѣнѣ бокомъ,—ччортъ... тты... дья...волъ!...

Вдругъ помертвѣлый отъ ужаса Акимычъ полетѣлъ куда-то со всѣхъ ногъ. Сначала ему представилось, что онъ валится въ преисподнюю, а когда на него посыпались тумаки Курдюмовской челяди, то для него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ угодилъ прямо «въ тартарары». Наконецъ тумаки сдѣлали свое дѣло: половина хмѣля соскочила съ Акимыча, онъ догадался, что находится, по непонятной причинѣ, въ саду Курдюмова, и рѣшилъ, что пойманъ дурящими тамъ чертями, о которыхъ толковалъ весь городъ. Акимычъ началъ припоминать всѣ знакомыя ему молитвы и открещиваться отъ окружавшей его нечисгой силы. Даже когда онъ узналъ самого Нила Семеныча и тутъ онъ стоялъ за то, что все съ нимъ случившееся не что иное, какъ дьявольское навожденіе. Даже когда онъ приплелся домой и, глубоко обиженный происшествіями этого вечера, онъ, пустивъ въ жену сапожной колодкой, проговорилъ:

— А всячески чернаго ругать не слѣдоваетъ, почему-што онъ теѣ за всякое время гадость устроить можетъ. Такъ-то.

Утромъ Курдюмовъ проснулся поздно и какъ только всталъ, пошелъ къ Юленькѣ разсказать ей вчерашнее происшествіе.

Проказы чертей объяснились—Юленьки и Маши не было. Въ письмѣ, оставленномъ на столѣ на имя Нила Семеновича, Юленька объясняла, что она не находитъ интереснымъ быть собственной своей тетушкой, просила дядю извинить ее, что она вмѣсто его отдала свою руку и сердце корнету Ментикову, котораго любила еще, живя съ матерью.

Нилъ Семеновичъ почесалъ плѣшь, раза два сопнулъ и пошелъ въ столовую.

Читатель можетъ быть усомнится въ правдивости моего разсказа, но я предлагаю ему, если случится быть въ Перешляевѣ, навести объ этомъ справки. Какъ же, вѣдь эта исторія извѣстна всему городу. Да чего лучше: самъ Акимычъ можетъ разсказать эту исторію, въ которой, какъ читатель видѣлъ, онъ принималъ довольно дѣятельное участіе.

И. Вашковъ

Тамъ, гдѣ вѣтвями колыхаясь,
Роскошный высится банамъ,
Гдѣ тихо къ берегу ласкаясь,
Бурлитъ волною океанъ;
Гдѣ всюду воздухъ ароматный
Душистымъ миртомъ напоенъ,
Гдѣ такъ прекрасенъ необъятный
Лазурно-синій небосклонъ;
Гдѣ звукъ свирѣли созываетъ
На паству тучныя стада,
Гдѣ померанецъ разцвѣтаетъ,
Тамъ.... не бывалъ я никогда.

Пробила полночь. Спитъ природа,
Вокругъ и мракъ, и тишина,
На темной выси небосвода
Не появляется луна.
Закрыты темныхъ тучъ грядою,
Не свѣтятъ звѣзды въ высотѣ,
Кругомъ какъ бы передъ бѣдою
Все помертвѣло въ темнотѣ.
Съ какой-то злостью непонятной
Вой вѣтра яростно гудѣлъ
И въ темнотѣ той необъятной
Я.... ничего не разглядѣлъ.

Толпятся слуги на порогѣ,
Каретъ къ подъѣзду мчится рядъ,
Вельможи важнаго чертоги
Огней мильонами горятъ.
Смѣшались—ленты, эполеты,
Мундиры, фраки и кресты,
Роскошныхъ барынь туалеты,
Прически, блонды и цвѣты.
Гостей кружокъ высокопарный
Оркестра громомъ оглушенъ,
Туда, на этотъ балъ шикарный,
Я.... вовсе не былъ приглашенъ.

Ея коса чернѣе ночи,
Ея лицо зари яснѣй,
Темнѣй агата дѣвы очи
И пальмы станъ ея стройнѣй.
Въ ней все мущинъ обворожаетъ,
Все привлекаетъ и манитъ,
Ея веселость—заражаетъ,
Ея холодность—леденитъ.
Какая страсть въ улыбкѣ ясной,
Кто, встрѣтясь съ нею, не страдалъ?
Я этой женщины прекрасной,
Клянусь.... ни разу невидалъ.

Таблицу свѣривши съ билетомъ,
Я отъ восторга привскочилъ:
Вѣдь я при розыгрышѣ этомъ
Вдругъ двѣсти тысячъ получилъ!
И вотъ сижу я и мечтаю:
Какая масса тутъ рублей!
Я ихъ въ три дня не сосчитаю!
Пришла година ясныхъ дней!
И на душѣ отрадно стало:
Мечта завѣтная моя
Сбылась!—Но вдругъ на умъ мнѣ вспало:
Да гдѣ-жь билетъ достану я?

И. В.

Наемъ кучера

(сцены изъ московской жизни).

Купецъ Карпъ Савельичъ Маковъ, былъ въ большомъ горѣ. Лучшій его кучеръ Трифонъ запилъ и запилъ такъ сильно, что отправился къ праотцамъ. Жилъ онъ у

Карпа Савельича лѣтъ восемь, изучилъ онъ всѣ его нравы, нравы его семейства и лошадей, бывшихъ на его рукахъ и зналъ всѣ ихъ т. е. хозяина, семьи и лошадей привычки въ совершенствѣ. Для самого Карпа Савельича это было ударомъ очень сильнымъ.

— Кажись, кто изъ семьи скончайся, такъ бы не горевалъ я,—говорилъ онъ пріятелю, сидя съ нимъ за графинчикомъ въ столовой у себя.

— Дѣло поправимое, Карпъ Савельичъ, найти и другаго можно. Свѣтъ-то въ кучерахъ не клиномъ сошелся.

— Это я, милый человѣкъ, отлично понимаю, что не сошелся. Только Ваня, такого ужь не найти. Ты одно пойми: сидитъ на козлахъ словно прикованный, не шелохнется; кафтанъ литой точно, ни единой то-ись морщинки, красота—одно слово! А понятій былъ такихъ, что страсть! Моргнешь глазомъ и пойметъ. Эхъ! давай выпьемъ! Помяни его Господи во Царствіи твоемъ! Послѣ этой потери я сердцемъ такъ братецъ ослабъ, что....

— Что же, жалко его очень?

— Не его жалко, а себя. Куда я теперь съ лошадьми безъ него гожусь? Возьми другаго, обучать надо. А Триша-то... ѣдешь бывало съ бѣгу или на бѣгъ, онъ этто шагомъ форситъ; какъ увидитъ, что кто мимо изъ любителей катитъ, припуститъ и и-ихъ, унеси ты мое горе на Гороховое поле!!

— И теперь, какъ онъ мои тоже привычки зналъ,— вмѣшивается супруга Карпа Савельевича.

— Ну тебѣ-то что? Тебѣ хошь барана на козлы посади, все едино.

— Однако же...

— Нечего однако же, а кабы не ты за него просила, я бы его не отпустилъ ни за что на гулянку, не запилъ бы онъ и, теперь бы жилъ.

— Кто-жь его зналъ?

— Ну, довольно! не вашего это ума дѣло, не вмѣшивайтесь.

— Теперь вотъ тоже у Осетрова кучеръ, ловкій парень... замѣчаетъ пріятель.

— У Осетровыхъ?!—Нѣшто у него лошади? Одры, а не лошади! Запряжка-то у него хоть и серебряная, да ходу въ лошадяхъ нѣтъ. И теперь, я тебѣ скажу, ѣдешь бывало изъ гостей, грѣшнымъ дѣломъ пьяный, сичасъ этто онъ къ тебѣ на сидѣнье, одной рукой обоймстъ, покойникъ, а другой правитъ и никогда то-ись, ѣздимши съ нимъ, приключеньевъ никакихъ не было. Таперича скажи мнѣ кто: Карпъ Савельевъ, поѣзжай въ Хиву! Съ Трифономъ, ей-ей, поѣду. Потому не кучеръ, а отецъ родной. А то еще, ежели часомъ задѣнешь кого оглоблей или дышломъ, чтобы въ часть—никогда, а улетимъ и поминай какъ звали! Какъ же было мнѣ такого человѣка не цѣнить? А?

— Вѣрно! Достоинствъ большихъ былъ. Въ пьяномъ образѣ ежели ты, кучеръ первый человѣкъ и благодѣтель.

— Опять лошади. Ходилъ онъ около нихъ, какъ около матери родной... Нѣтъ такого не будетъ какъ Трифонъ покойникъ. Живетъ у меня теперь хошь положимъ еще Ларивонъ. Ну, что онъ? Молоко развѣ на рынокъ возить аль дѣтей въ гимназію и больше ничего... Просилъ я Шехобалова, знаешь маклеръ по лошадиной части?

— Знаю. Человѣкъ хорошій.

— Хорошій. Просилъ я его подъискать человѣка. Обѣщалъ. Отговорить одного можно, при хорошемъ мѣстѣ живетъ, говоритъ онъ, только лошади не нравятся, такъ я его къ вамъ. Потрафитъ на васъ. Обѣщалъ сегодня прислать. Да гдѣ ужъ? такого не будетъ. Въ прошломъ годѣ, какъ я въ Паркахъ Савостьяна Иваныча обогналъ, онъ мнѣ и говоритъ: кабы не кучеръ твой, ни въ жисть тебѣ преферансу передо мной не взять; а лошади Савостьяна самъ знаешь какія: орлы! По двѣ, да по три тыщи заплочены. Заводскія. Налей-ка Ваня по единой. Это что тамъ, что онъ у меня деньги нажилъ, что я двухъ сестеръ его замужъ отдалъ, а третья по сю пору у меня въ горничныхъ живетъ. Доволенъ былъ имъ, такъ я и всю его семью облагодѣтельствовалъ. Эхъ! Да что говорить, не кучеръ былъ, а опекунъ.

Въ дверяхъ появляется горничная и докладываетъ, что парень пришелъ, повидимому кучеръ.

— А? Ну зови сюда. Поглядимъ, что за птица.

Появляется парень лѣтъ двадцати пяти. Въ усахъ, волосы въ скобку, затылокъ чисто выбритъ, на немъ полукороткій кучерской казакинъ, длинные сапоги и въ рукахъ синяго сукна фуражка съ плисовымъ околышемъ. Онъ низко кланяется.

— Здорово. Кто прислалъ? Шехобаловъ что ли?

— Шехобаловъ-съ.

— У кого жилъ или живешь еще?

— Живу-съ. У Петра Мартыныча...

— А у Богоборцева, знаю. Отчего-жь уходишь?

— Лошади не по карахтеру, Карпъ Савельичъ.

— Что же смирны очень, что ли?

— Нѣтъ-съ. Стары. Охоты у самого никакой, только ради сына и служишь.

— А моихъ лошадей знаешь?

— Какъ не знать, Господи! первые по Замоскворѣчью кони.

Купецъ самодовольно улыбается.

— Да! Лошади ничего. Уходъ только нуженъ.

— Безъ уходу нельзя-съ. Заплатите теперь хоть пять тыщъ за лошадь, безъ уходу пропадутъ.

— Пропадутъ, это вѣрно. А что ты получалъ?

— Получалъ немного-съ восемьнадцать, да сынъ ихъ по трешнику въ мѣсяцъ отъ себя накидывалъ.

— Ну у меня сыновей нѣтъ, а я самъ... Только какъ, братецъ ты мой, ты таперь... Да какъ тебя звать-то?

— Семенъ Аѳонасьевъ-съ!

— Такъ вотъ какъ ты, Семенъ, теперь можешь ли мнѣ Трифона замѣнить? Ты его знавалъ?

— Кого-съ, Трифона Васильевича-? Какже-съ. Наша деревня отъ нихъ верстахъ въ сорока будетъ. Не во время померъ-съ. Хорошій былъ человѣкъ-съ.

— Хорошій былъ. Правда. Ну да что теперь жалѣть? Померъ и шабашъ.

— Это такъ точно-съ!

— Хозяева твои какъ себя вопче вели?

— То-есть какъ-съ, на счетъ чего?

— Насчетъ питья?

— Пивали-съ, усмѣхается кучеръ,—особливо молодой.

— Такъ какъ же ты, берегъ ихъ?

— Кто я-съ? Помилуйте, Карпъ Савельичъ, что же я своихъ обязанностевъ не знаю? Они со мной по-просту. Скажутъ: Семенъ, ноньче я можетъ въ ударѣ буду, такъ ты смотри. Ну ужъ я въ гостяхъ ни рюмочки никогда ничего...

— Ну а самъ-то пьешь ты?

— Грѣшнымъ дѣломъ бываетъ, а только рѣдко.

— Рѣдко, это хорошо.

— Нельзя-съ иначе. Ни для кого-съ неспособно: ни для хозяина, ни для лошадей.

— Это ты правильно. А жалованье мое знаешь?

— Знаю-съ. На этотъ счетъ мы согласны, а только у меня жена-съ еще есть.

— Ну, жену въ судомойки возьмемъ. Положимъ ей четыре серебра въ мѣсяцъ и баста.

— Очинно хорошо-съ.

— Ну, а ежели я съ тобой поѣду и до шести утра или восьми продержу?

— Все едино-съ.

— Надоть все-таки твою выправку увидать.

— Извольте хоть сейчасъ.

— А то съ виду-то ты мастакъ, а на дѣлѣ можетъ только на похоронныя дроги годишься.

— Это такъ точно-съ.

— А ежели я тебя иной разъ по рылу? Въ пьяномъ настроеніи ежели я? А?

— Это ничего-съ. На то мы служимъ.

— Смотри, а то чтобъ послѣ разговору не было.

— Слушаю-съ.

— Теперича, ежели я въ трахтирѣ въ городѣ или въ паркахъ засижусь, какъ ты насчетъ ѣды?

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ? Потерплю.

— У меня положено. Голодать ни-ни; денегъ на руки не даю, а можешь требовать на рубль.

— Очинно превосходно-съ.

— А то еще ежели гостей отвозишь, денегъ отъ нихъ требовать не смѣй.

— Зачѣмъ же-съ? Нѣшто мы это не понимаемъ-съ.

— Подарки тебѣ въ указанное время, ежели заслужишь, будутъ. На Рождество и Пасху.

— Какъ обнаковенно-съ.

— А какъ ты насчетъ женскаго полу? А?

— Касательно чего же-съ?

— А касательно того-съ, что у меня дѣвокъ-то комнатныхъ много, такъ шашней чтобы ни Боже мой.

— Помилуйте-съ. У меня жена...

— Ну жена-то надоѣстъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Потому я таперь молю Богу, чтобъ ей Богъ здоровье далъ, очинно люблю-съ. Что вы-съ Карпъ Савельичъ! Я таперь по всей деревнѣ въ образцѣ насчетъ мужскихъ обязанностевъ нахожусь.

— Это дѣло доброе. Ну, а ежели ты виномъ зашибешься, каковъ ты во хмѣлю? Не буянишь, не сквернословишь?

— Ни, то-есть, ничего. Очинно смиренъ, какъ овца и сейчасъ первымъ дѣломъ спать.

— Ну, хорошо. А запоевъ не бываетъ у тебя?

— Гдѣ-жь имъ быть? еще я въ года не вошелъ.

— Жена! Анюта! Какъ скажешь: брать что ли?

— Я? Какъ ты, Карпуша. Парень онъ видно шустрый.

— Въ шкандалъ ежели попадемъ, обхожденіе ты, Семенъ, понимаешь?

— Какъ же-съ не понимать. Все на себя примемъ.

— Ну и ладно. Эй, Афимья! Поднеси ему стаканчикъ да сведи на конюшню, пусть въ пролетку Бѣгуна заложитъ.

— Желаю много лѣтъ здравствовать, Карпъ Савельичъ, произноситъ вновь нанимаемый и моментально проглатываетъ стаканъ водки.

— Закусить дайте ему.

— Не требуется-съ. Много благодарны, мы завсегда безъ закуски.—И онъ утираетъ рукавомъ губы и отправляется закладывать лошадь.

А. Д—жій.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ МОСКВѢ БѢЛОКАМЕННОЙ

ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФА ИЗПОДТИШКИНА.

Лекція первая.

Мѣриломъ цивилизаціи каждаго общества, безспорно, являются итоги его умственнаго и нравственнаго состоянія. Прежде нежели коснуться этихъ итоговъ, представляемыхъ современнымъ обществомъ Москвы бѣлокаменной, я обращусь къ старому времени, укажу на тогдашнее состояніе общества, прослѣжу его постепенное развитіе и разъясню причины этого развитія. Причинами и главными факторами цивилизаціи являются въ разсматриваемомъ мною обществѣ новыя стремленія и направленіе ума, внесенныя иностранцами и преимущественно, какъ мы увидимъ далѣе, евреями, и новыя условія жизни, создаваемыя этими стремленіями.

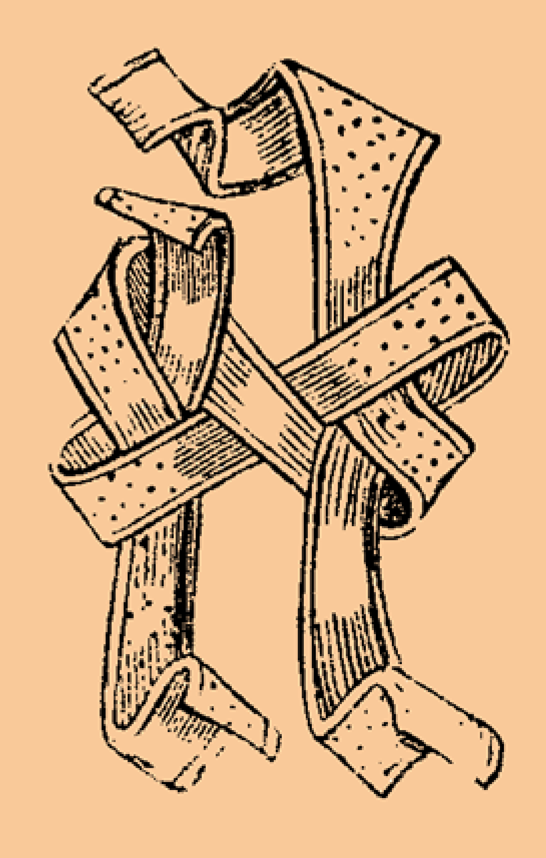
Старое время почему-то принято называть «добрымъ». Мнѣніе это крайне ошибочно. Старое время слѣдуетъ назвать временемъ глупымъ, наше время напротивъ добрымъ. Обманъ есть продуктъ ума. Въ старое время не было обманщиковъ, слѣдовательно умъ бездѣйствовалъ и общество то по справедливости можетъ быть названо глупымъ. Въ наше время развелась тьма обманщиковъ, а какъ же не назвать добрымъ то время, въ которое люди допускаютъ себя обманывать?

Въ глупое старое время состояніе общества Москвы бѣлокаменной представляется намъ въ такомъ видѣ: отношенія между собою отдѣльныхъ личностей крайне просты, отношенія кастовыя—крайне натянуты. Этотъ ложно регулярный строй общества служилъ достаточною преградою развитію, не допуская болѣе умнымъ людямъ одной касты пробраться въ другую и цивилизовать ближнихъ, обманывая и шантажируя ихъ. Образованность, бывшая тогда мало распространенною, понималась както странно. Человѣкъ необразованный не умѣлъ корчить изъ себя умника, не имѣя достаточнаго для того развитія. Человѣкъ дѣйствительно образованный считалъ высшею и первѣйшею своею обязанностью честныя и безъобманныя отношенія къ ближнему. Такой порядокъ вещей приводилъ общество къ полнѣйшему отупѣнію. Люди не только не умѣли найти окольной дороги въ карманъ ближняго, но даже, нашедши деньги на дорогѣ, спѣшили возвратить ихъ потерявшему, не догадываясь, что ихъ такъ же удобно можно положить въ свой карманъ. Семейныя отношенія были поразительны. Сыновья не имѣли обыкновенія залѣзать втихомолку въ отцовскія кассы. Не давали потихоньку отъ родителей векселей, такъ какъ они не были еще введены въ употребленіе. Отношенія торговыя были странны и крайне неудобны для цивилизаціи. Не было конкурсовъ, не было сдѣлокъ, вызвавшихъ впослѣдствіи такую широкую умственную дѣятельность. Не было банковъ, давшихъ впослѣдствіи такое сильное движеніе капиталамъ, давшихъ возможность расходывать громадныя суммы, не имѣя въ карманѣ собственнаго гроша. Отсутствіе банковъ не давало возможности *переводить* деньги безо всякихъ хлопотъ со стороны собственника. Не было акціонерныхъ обществъ, такъ сильно поднявшихъ впослѣдствіи цѣну денегъ. Одинъ рубль дивиденда, вызывалъ болѣе десяти рублей расходу. (См. записки Торговаго Посредника, Торговаго Сотрудника, мемуары Общества Благодать. Лекціи, читанныя акціонерамъ петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита и др.). Не было частныхъ банковыхъ конторъ, доказавшихъ фактически, что правило, «что твое—то мое, а до моего тебѣ дѣла нѣтъ» вполнѣ примѣнимо къ жизни цивилизованнаго общества, доказавшихъ своими текущими счетами, что утечка возможна не въ однихъ только жидкихъ предметахъ. Городское хозяйство находилось въ самомъ дѣвственномъ состояніи. Не было коммисій, давшихъ впослѣдствіи такое громадное развитіе спросу на бумагу, чернила и прочія канцелярскія принадлежности. Не было умѣнья говорить два часа и не сказать ничего. Не было выработано возможности ассигновать огромныя суммы на то, чтобы изъ нихъ ничего не вышло. Правда, долгій ящикъ былъ задуманъ и примѣненъ давно, но онъ былъ крайне одностороненъ. Онъ только пер-

живалъ дѣла и лишь много времени спустя съумѣли путемъ реформъ сдѣлать его нѣсколько полезнымъ для задерживающихъ. Искусства были въ зародышѣ—цѣнились одни оригиналы и только впослѣдствіи живопись и скульптура развились до того, что поддѣльныя вещи стали конкуррировать съ настоящими. Направленіе литературы было крайне узкое, беллетристы и поэты въ выборѣ своихъ сюжетовъ ограничивались или отвлеченными предметами, или общими формами жизни. Впослѣдствіи, благодаря цивилизаціи, это конечно измѣнилось и шантажныя нападки на отдѣльныя личности получили широкое право гражданства. Въ техническихъ знаніяхъ царствовалъ положительный застой. Архитектура только впослѣдствіи получила возможность строить дома изъ ничего. Только благодаря цивилизаціи достигла она того, что зданія стали разрушаться сами собою, не требуя занятія множества рукъ. Механика только впослѣдствіи получила широкое развитіе, настолько широкое, что механика рукъ дала возможность наживать деньги (см. сочиненіе г-на Шуллеръ-де-Вора); механика ногъ дала возможность считаться образованнымъ человѣкомъ; механика спины открыла возможность достичь степеней извѣстныхъ. Химія почти не существовала вовсе, только въ наше время она имѣетъ значеніе, когда путемъ вытравки цифръ явилась возможность получать большія суммы.

Таково было состояніе общества Москвы бѣлокаменной въ старое глупое время. Въ слѣдующей лекціи мы займемся исторіей постепеннаго развитія этого общества и разъяснимъ причины этого развитія.

Философъ Изподтишкинъ.

ОВЫЯ НОВОСТИ

— Что, Милей Милеевичъ, новенькаго слышно?

— Да слышно, старина, что городскіе ряды не нынче, завтра рухнутъ: что день, то обвалъ въ рядахъ, то въ Серебряномъ ряду крыша рухнула, то въ Золотокружномъ балки вылетѣли, то въ Узенькомъ ряду стѣна въ три сажени трещину дала, ну и жди, что не сегодня, такъ завтра цѣлый рядъ рухнетъ, новая Помпея въ Москвѣ случится.

— Да что же, Милей Милеевичъ, думская-то коммисія о постройкѣ городскихъ рядовъ медлитъ? Что же въ самомъ дѣлѣ она помпейскаго разрушенія что ли дожидается, чтобы цѣлый рядъ рухнулъ да человѣкъ сто до смерти убилъ да искалѣчилъ?

— Да видно, что такъ, а то теперь она все да да нѣтъ, и лавковладѣльцы да да нѣтъ, а ну какъ вотъ такое смертоубійство въ рядахъ случится, тогда безъ коммисіи начальство примется за ряды, сломать велитъ старые и по новому плану строить прикажетъ; этого и ждутъ. Предсѣдатель этой коммисіи, сказываютъ, въ меланхоліи находится, все отсрочки беретъ для подачи плана новыхъ рядовъ. Подалъ было планъ, да смѣхъ имъ въ Думѣ только надѣлалъ.

— Да ему бы лучше отказаться, Милей Милеевичъ, за болѣзнію, пользы бы больше было, или его бы попросить отказаться отъ предсѣдательства, а то шутка ли, 10 лѣтъ существуетъ коммисія и ни вершка впередъ дѣло о перестройкѣ не подвинула.

— Да онъ-то самъ не замѣчаетъ, старина, что меланхоліей страдаетъ, а другіе-то совѣстятся ему сказать, что надо ему отказаться, дѣло такъ и тянется десятокъ лѣтъ, да до тѣхъ поръ и будетъ тянуться, пока ряды рухнутъ совсѣмъ. Брантъ-маіоръ заявилъ, что если въ рядахъ пожаръ сдѣлается, то помощи подавать нельзя: много солдатъ на крыши допустить нельзя—рухнутъ отъ ветхости. Сказываютъ, что предсѣдатель послѣднюю отсрочку взялъ до 1-го августа, поѣхалъ на дачу отгуляться; а послѣ своей гулянки и планъ напишетъ перестройки рядовъ, и въ сентябрѣ на разсмотрѣніе въ Думу его представить.

— Помоги ему Господи, Милей Милеевичъ. Что у васъ новенькаго по Думѣ?

— Да что новенькаго, вотъ коммисія о мощеніи мостовыхъ упразднилась: старые члены всѣ отказались, а новыхъ не выбираютъ. Тепловой сборъ опять будетъ,—то отмѣнили, а то опять утвердили.

— Что такъ, Милей Милеевичъ?

— Денегъ нѣтъ въ Думѣ, съ рабочихъ опять будетъ сборъ, съ разнощиковъ тоже. Только насъ Дума-то по губамъ помазала, только посулила, что отмѣнила.

— И выходитъ, Милей Милеевичъ, что Дума-то наша на посулѣ какъ на стулѣ, а на дѣлѣ какъ не ѣли. Все денегъ нѣтъ, а сама на себя все обузу надѣваетъ, все расходовъ прибавляетъ. Сама не знаетъ, для чего Сокольницкій паркъ купила; для того, чтобы всѣхъ оттуда своими порядками разогнать. Теперь дачевладѣльцы въ Сокольникахъ, какъ узнали, что они городу достаются, да прочитали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что Дума тутъ будетъ и богадѣльни, и больницы строить, дачи продаютъ, только бы съ рукъ сбыть. Нѣтъ, говорятъ, теперь въ Сокольникахъ дачъ для дохода имѣть нельзя будетъ: Дума своими на[illegible]тами да порядками замучаетъ.

— Не слыхалъ ли ты, старина, какой это въ одномъ Обществѣ курьезъ случился при продажѣ дома?

— Слышалъ, Милей Милеевичъ, слышалъ, какъ хозяинъ дома этого на торги явился подторговать. Пришелъ и сѣлъ на самое видное мѣсто, шляпу подлѣ себя поставилъ, а въ рукахъ держитъ пачку, въ бумагу завернутую,—значитъ, деньги для задатка. Начался это торгъ, ну, прибавляютъ кто пять тысячъ, кто десять; онъ видитъ, что желающихъ много купить, сразу и говоритъ «100 тысячъ»,—думалъ, не прибавитъ ли кто для шутки тысячку. Не тутъ-то было, простачка такого не нашлось, за нимъ и остался домъ. Говорятъ ему: «пожалуйте росписаться въ покупкѣ и задатокъ внести».— «Я сейчасъ поѣду домой, привезу задатокъ вамъ кредитными билетами, отвѣтилъ онъ,—а это у меня здѣсь серіи въ сверткѣ».—«Да мы и серіи возьмемъ».—«Нѣтъ, говоритъ, я вамъ кредитными отдамъ, у меня дома много кредитныхъ, а я серіи ошибкой взялъ, здѣсь только разсмотрѣлъ, что свертокъ не съ кредитными, а съ серіями». Видятъ, что вретъ, спятиться хочетъ, врѣзался. «Мы васъ, говорятъ, выпустить не можемъ безъ задатка по уставу нашего Общества. Извольте оставить здѣсь серіи, а сами ступайте за кредитными, привезете, размѣняете тогда». — «Я не хочу оставлять серіи, говоритъ онъ,—какъ вы смѣете мнѣ не вѣрить?» — «Да такъ, говорятъ, и смѣемъ не вѣрить, мы васъ безъ этого не выпустимъ, оставьте серіи въ задатокъ» — «Я, говоритъ, караулъ стану кричать, что меня ограбить хотятъ, прокурору жалобу подамъ!» А самъ рвется, какъ бы уйти. Видятъ, дѣло скверное, послали за полиціей; толковали, толковали, ничего не беретъ, только онъ видитъ, дѣло плохо, актъ составятъ. «Я, говоритъ, господа, ошибкой вмѣсто денегъ взялъ пачку съ старыми нѣмецкими газетами, прошу васъ меня отпустить домой, я сейчасъ привезу». Божится, клянется. Видятъ, дѣло дрянь, послали съ нимъ домой одного изъ служащихъ. Пріѣхали; онъ его въ залѣ оставилъ, а самъ въ кабинетъ пошелъ за деньгами, да и былъ таковъ. Тотъ ждалъ, ждалъ, спрашиваетъ лакея: «гдѣ хозяинъ?»— «Они давно со двора уѣхали». Посланный въ Общество пріѣхалъ, говоритъ: «скрылся съ квартиры». Думали сначала, что денегъ поѣхалъ отыскивать на задатокъ, подождали день, другой—не является, слышутъ, что изъ Москвы уѣхалъ; думали жалобу принести, да узнали, что взять нечего. Новые торги назначили и домъ продали, теперь на дому и новая дощечка прибита.

Однако прощайте, Милей Милеевичъ: мнѣ пора ко дворамъ.

— До свиданія, старина.

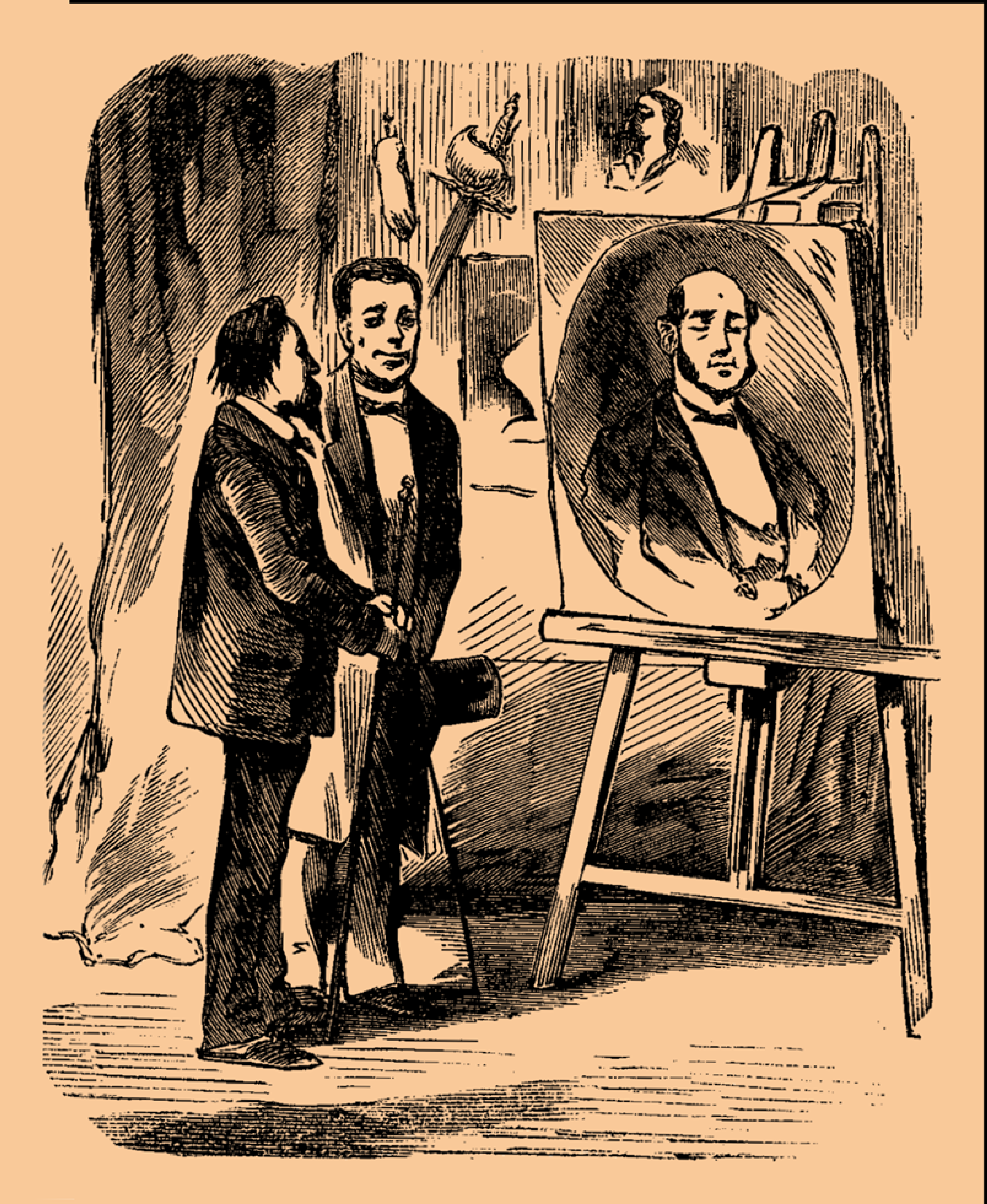
N. N.

Парижская всемірная выставка

ОТЪ НАШЕГО СОБСТВЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Письмо третье.

Вы конечно помните, что я, заканчивая свою вторую корреспонденцію, торопился осмотрѣть привезенную на выставку изъ Москвы рѣдкость—купца, проторговавшаго пятьдесятъ лѣтъ и ни разу не объявившаго себя несостоятельнымъ. Признаюсь, рѣдкость эту пришлось мнѣ увидѣть послѣ не малыхъ усилій, такъ какъ нужно было проталкиваться сквозь массу народа, собравшагося посмотрѣть на привезенную диковину. Предметъ дѣйствительно заслуживающій большаго вниманія, однако, такъ сказать, не самой чистой воды. Несостоятельности, правда, нѣтъ ни одной, но болѣе внимательный наблюдатель легко замѣтитъ двѣ сдѣлки, которыя нѣсколько мѣшаютъ общему впечатлѣнію. Впрочемъ, судя по отзывамъ людей компетентныхъ, это экземпляръ настолько рѣдкостный, что болѣе чистой породы невозможно и требовать. Не подалеку отъ только что описаннаго мною предмета публика любуется выставленными обращиками московскаго газоваго освѣщенія. Освѣщеніе это при солнечномъ свѣтѣ можетъ смѣло конкуррировать даже съ электрическими солнцами. На дняхъ вниманіе всей публики, посѣтившей выставку, было сильно возбуждено произведеннымъ въ одномъ изъ отдѣловъ опытомъ. Одинъ заводчикъ выставилъ превосходной работы несгараемый шкафъ. Твердо увѣренный въ достоинствахъ своего издѣлія, заводчикъ положилъ въ шкафъ на значительную сумму разныхъ цѣнностей. Затѣмъ шкафъ былъ запертъ и поставленъ на костеръ изъ разныхъ горючихъ веществъ. Нѣсколько часовъ горѣлъ шкафъ на сильномъ огнѣ и когда по окончаніи опыта былъ отпертъ, всѣ находившіяся въ немъ цѣнности оказались нимало не поврежденными. Публика была въ восторгѣ. Вдругъ какой-то молодой, шикарно одѣтый господинъ выходитъ изъ толпы и начинаетъ упорно доказывать, что шкафъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и что онъ можетъ доказать это при повтореніи опыта. Заводчикъ, сильно офраппированный этимъ заявленіемъ, немедленно рѣшается повторить опытъ. Вновь цѣнности были положены въ шкафъ, вновь начали готовить костеръ. Но молодой оппонентъ заявляетъ, что костра вовсе не нужно, что онъ проситъ заводчика запереть шкафъ, взять себѣ ключъ и на нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ публикою выйти изъ отдѣла. Сказано—сдѣлано. Шкафъ запертъ и заводчикъ съ публикою удаляются. Проходитъ около часа и потерявшая терпѣніе публика, не дожидаясь приглашенія, входитъ

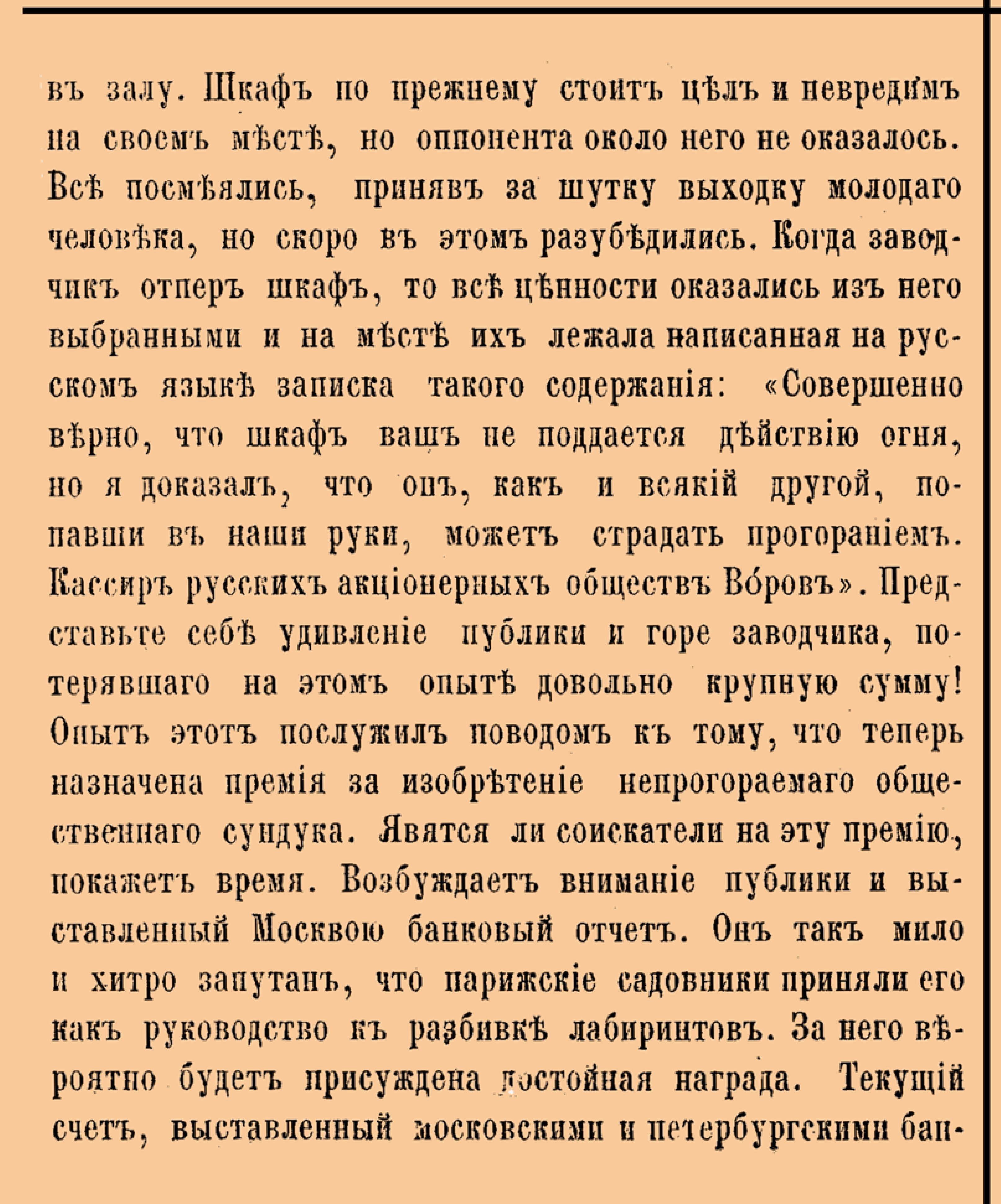

Пріятель. Очень похожъ, только, зачѣмъ ты его сдѣлалъ слѣпымъ?

Художникъ. А это въ угоду его женѣ.

— Ты не знаешь, кто эти дамы?
— Да это мой пріятель съ женой.
— Который же изъ нихъ твой пріятель?
— Вотъ, если обернется, тогда скажу: онъ съ усами.

въ залу. Шкафъ по прежнему стоитъ цѣлъ и невредимъ на своемъ мѣстѣ, но оппонента около него не оказалось. Всѣ посмѣялись, принявъ за шутку выходку молодаго человѣка, но скоро въ этомъ разубѣдились. Когда заводчикъ отперъ шкафъ, то всѣ цѣнности оказались изъ него выбранными и на мѣстѣ ихъ лежала написанная на русскомъ языкѣ записка такого содержанія: «Совершенно вѣрно, что шкафъ вашъ не поддается дѣйствію огня, но я доказалъ, что онъ, какъ и всякій другой, попавши въ наши руки, можетъ страдать прогораніемъ. Кассиръ русскихъ акціонерныхъ обществъ Воровъ». Представьте себѣ удивленіе публики и горе заводчика, потерявшаго на этомъ опытѣ довольно крупную сумму! Опытъ этотъ послужилъ поводомъ къ тому, что теперь назначена премія за изобрѣтеніе непрогораемаго общественнаго сундука. Явятся ли соискатели на эту премію, покажетъ время. Возбуждаетъ вниманіе публики и выставленный Москвою банковый отчетъ. Онъ такъ мило и хитро запутанъ, что парижскіе садовники приняли его какъ руководство къ разбивкѣ лабиринтовъ. За него вѣроятно будетъ присуждена достойная награда. Текущій счетъ, выставленный московскими и петербургскими банкирами, по моему мнѣнію, не стоитъ ничего. Этотъ химическій продуктъ пахнетъ не то чеснокомъ, не то спертымъ воздухомъ притоновъ Хитрова рынка. Впрочемъ, по увѣренію знатоковъ, съ успѣхомъ употребляется какъ очистительное средство.

Виконтъ Се-не-па-вре.

Переводилъ (бумагу) Мичманъ Жевакинъ.

ЧЕРКИ И КАРТИНКИ ПРОВИНЦІЯЛЬНЫХЪ ПАЛЕСТИНЪ

Слѣдуетъ ли растопыривать руки—вотъ въ чемъ вопросъ!—Событіе 2[illegible]-го іюля 1855 года, описанное А. С. Гацисскимъ и поэтомъ А[illegible]ономъ Севрюгинымъ. — Тверь въ осадѣ и подвиги „благороднаго человѣка“.— Полоцкій балъ и его результаты. — Кто съѣлъ выручку?

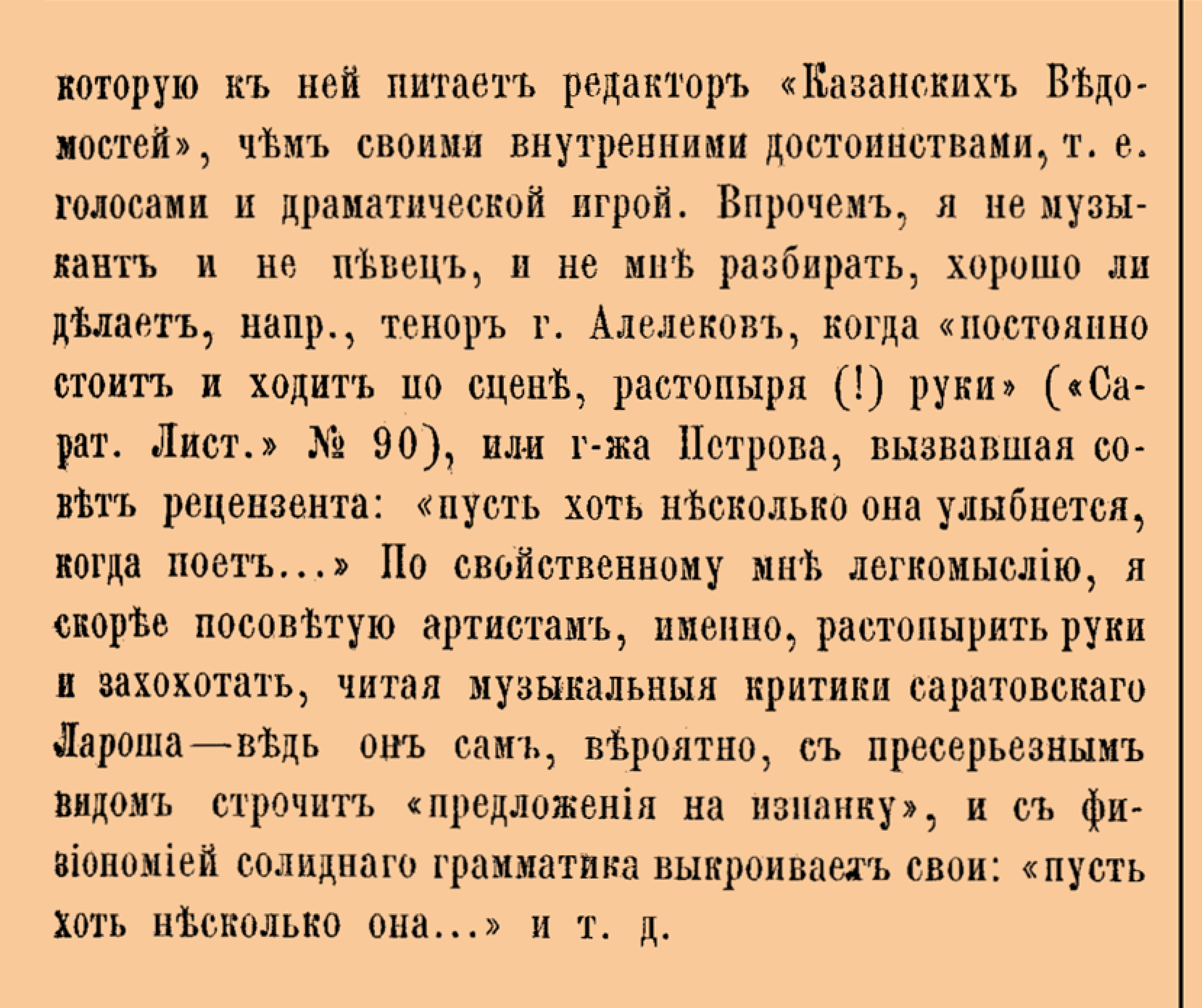
Въ Саратовѣ гоститъ теперь оперная (русская) труппа г. Медвѣдева, извѣстная болѣе неразумной страстію,

На Семикъ.

которую къ ней питаетъ редакторъ «Казанскихъ Вѣдомостей», чѣмъ своими внутренними достоинствами, т. е. голосами и драматической игрой. Впрочемъ, я не музыкантъ и не пѣвецъ, и не мнѣ разбирать, хорошо ли дѣлаетъ, напр., теноръ г. Алелековъ, когда «постоянно стоитъ и ходитъ по сценѣ, растопыря (!) руки» («Сарат. Лист.» № 90), или г-жа Петрова, вызвавшая совѣтъ рецензента: «пусть хоть нѣсколько она улыбнется, когда поетъ...» По свойственному мнѣ легкомыслію, я скорѣе посовѣтую артистамъ, именно, растопырить руки и захохотать, читая музыкальныя критики саратовскаго Лароша—вѣдь онъ самъ, вѣроятно, съ пресерьезнымъ видомъ строчитъ «предложенія на изнанку», и съ физіономіей солиднаго грамматика выкроиваетъ свои: «пусть хоть нѣсколько она...» и т. д.

—

Знаете ли вы, о, читатель! что 21-го іюля 1855 года, извѣстный провинціальный писатель и издатель «Нижегородки», А. С. Гацисскій, напился жестоко пьянъ? Вамъ это неизвѣстно, конечно, какъ было неизвѣстно и мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не прочелъ недавно вышедшаго въ свѣтъ «Казанскаго литературнаго сборника» и въ немъ—статьи г-на Гацисскаго «Изъ жизни пятидесятыхъ годовъ»: тутъ я узналъ все въ подробностяхъ.

Оказывается, пятидесятые годы замѣчательны, главнымъ образомъ, именно, событіемъ 21-го іюля 1855 года. Въ этотъ день, разсказываетъ уважаемый писатель, онъ «напился до положенія ризъ», въ квартирѣ студента Г., на Большой Лядской улицѣ, въ домѣ наискось отъ дома профессора Назарьевскаго, въ Казани... О, Боги! И напился ничѣмъ другимъ—ромомъ!... Разсказъ объ этомъ событіи называется «Страницей изъ жизни пятидесятыхъ годовъ»...

Увлекшись интереснымъ повѣствованіемъ Александра Серафимовича, я тоже порѣшилъ описать одинъ кутежъ мой, и тоже въ Казани, имѣвшій мѣсто 27-го февраля 1877 года—это будетъ разсказъ «изъ жизни семидесятыхъ годовъ». Но между тѣмъ, какъ мой трудъ получилъ начало, знакомый мнѣ поэтъ, Аполлонъ Севрюгинъ, написалъ нѣкоторое стихотворное переложеніе «Событія 21-го іюля», вотъ оно:

Было то совсѣмъ не въ Тулѣ,
А въ Казани, какъ въ іюлѣ,
Двадцать перваго числа,
Наливая ромъ обильно
Въ чарку, съ пѣснью круговой,—
Напился Гацисскій сильно
У студента Г. въ Лядской!...
Пилъ стаканъ онъ за стаканомъ

И въ концѣ—увы и ахъ!—
Все забылъ во снѣ онъ пьяномъ,
Развалившись подъ диваномъ,
Гдѣ пылищи было—страхъ!...
Было то въ іюлѣ, въ лѣто,
Какъ дрались въ Крыму у насъ—
И Гацисскаго разсказъ
Описалъ событье это.

Но все же, читатель, купите «Казанскій литературный сборникъ»: какъ ни плохъ онъ, онъ продается въ пользу голодающихъ.

Нѣкто Ч., въ Твери, пьянъ каждый день и отъ этого вся Тверь, что называется, «волкомъ воетъ», по крайней мѣрѣ, корреспондентъ «Новаго Времени» серьезно заявляетъ объ этомъ. По его словамъ, г. Ч., не имѣющій никакихъ занятій и бывшій подъ судомъ за драки, буйства, разнесенія и разшибанія окружающихъ лицъ и предметовъ, не даетъ никому проходу въ городѣ Твери. Напившись до извѣстной степени, какую онъ считаетъ подходящею въ своихъ похожденіяхъ, означенный рыцарь приступаетъ къ собиранію милостыни. Онъ «проситъ», какъ «бла-ародный челаэкъ», не менѣе 20—30 коп. и въ случаѣ отказа—разноситъ своихъ скупыхъ согражданъ. Если дѣло происходитъ въ гостинницѣ и хозяинъ ея не уплачиваетъ «бла-ародному челаэку» требуемой контрибуціи, онъ немедленно приступаетъ къ репрессаліямъ, т. е., говоря проще, бьетъ посуду и предается всяческому сквернословію на россійскомъ діалектѣ. А такъ какъ, извѣстно, россійскій языкъ по преимуществу богатъ «душистыми» словами, а посуда вѣдь тоже чего нибудь да стóитъ, то, въ концѣ концовъ, все таки контрибуція уплачивается.

«Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!» вопятъ тверитяне, желающіе лучше турецкаго нашествія отъ котораго все же можно отдѣлаться... пушками и штыкомъ. А вѣдь съ этимъ господиномъ ничего не подѣлаешь—не станешь же, въ самомъ дѣлѣ, стрѣлять въ него изъ пушки... Другихъ мѣръ, вѣроятно, въ Твери не знаютъ, напр., хотя охлаждающей внутренній жаръ кутузки, можемъ рекомендовать.

Но что прикажете рекомендовать городу Полоцку?

Граждане Полоцка устроили балъ въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Балъ вышелъ блестящій. Экзотическія растенія украшали входъ, который имѣлъ видъ павильона, занесеннаго изъ тропическаго міра. Залъ былъ блестяще убранъ и освѣщенъ велико[illegible] По окончаніи бала—для всѣхъ присутствующихъ ужинъ, но какой ужинъ? навѣрно скажу, что я съ читателемъ не ѣдали такихъ: просто лукулловское изобиліе! Правда и цѣна за входъ не малая—5 руб. для дамъ и мущинъ, и на несочувствіе публики пожаловаться нельзя: зала биткомъ была набита. Но... вышло нѣкоторое странное обстоятельство—въ пользу раненыхъ ничего не осталось... Здоровые все скушали!... Это называется qui pro quo, и тутъ ужь, должно быть, ничего не подѣлаешь. Какъ слышно, многіе сдѣлались «больны», послѣ благотворительнаго обжорства.

Пустозвонъ

Астраханскія замѣтки и курьезы

Прежде всего, что васъ поражаетъ при въѣздѣ въ Астрахань—это пыль и ужасная вонь рыбой. Улицы здѣсь не мощеныя, что имѣетъ, разумѣется, свою прелесть—не слышно ни грома, ни стука копытъ, который слышенъ на асфальтовой мостовой, но за то этотъ доморощеный асфальтъ лѣзетъ и въ ротъ, и въ носъ, и въ глаза, потому что поливать улицы здѣсь считаютъ излишней роскошью. Почтовое управленіе вѣроятно считаетъ тоже, что почтовые ящики есть излишняя роскошь и потому ихъ днемъ съ огнемъ нужно отыскивать—такъ ихъ мало. Вотъ, не знаю право, «Астраханскій справочный листокъ» къ какимъ предметамъ причислить—къ предметамъ ли роскоши, или необходимости. Издается онъ нѣкіимъ г-мъ Росляковымъ, стоитъ въ годъ 6 р. с. и наполняется исключительно вырѣзками изъ газетъ столичныхъ и провинціяльныхъ, передовой своей статейки, хотя бы самой худосочной—не полагается, должно быть боится

«Смѣть, свое сужденіе имѣть».

А вотъ здѣшніе уличныя фонари такъ рѣшительно роскошь. Роскошь собственно не самые фонари, а освѣщеніе, производимое по волѣ здѣшней Думы чуть не среди бѣлаго дня. Не шутя, здѣсь фонари зажигаютъ, когда еще на улицѣ можно читать хоть «Русскій Вѣстникъ» или петитъ «Стрекозы». За такую роскошь Дума платитъ лишняго около четырехъ тысячъ. Какова роскошь! Вотъ за то управляющій почтовой частью Астраханской губ. объявляетъ въ каждомъ № «Листка», что по распоряженію почтоваго департамента съ 1-го мая отправленіе почтъ будетъ по одному разу въ недѣлю на Самолетскихъ пароходахъ вмѣсто Меркуріевскихъ, возившихъ ежедневно. Вотъ это экономія; что да дѣло, что корресподенція придетъ недѣлей позже? эка бѣда! За то фонари зажигаются чуть не по-утру.

Существуетъ здѣсь клубъ, ну что бы кажется, учрежденіе прекрасное, и тутъ курьезъ истинно астраханскій: житель Астрахани, по уставу клуба, не можетъ быть въ немъ гостемъ, долженъ быть непремѣнно членомъ. Вотъ это по астрахански!

Жара въ городѣ нестерпимая, только вечеромъ можно

дышать. Въ предмѣстьи города есть два публичныхъ сада: Говеловскаго и Пермякова. Въ первомъ играетъ труппа г-на Костровскаго, антрепренера Саратовскаго театра, во второмъ помѣщается клубъ. Г. Костровскій, бывшій артистомъ и режиссеромъ блаженной памяти Общедоступнаго Московскаго театра, выказалъ себя дѣльнымъ и опытнымъ антрепренеромъ. Труппа составлена очень умно, такъ что у него идутъ драмы, комедіи и оперетки. Въ опереткѣ имѣетъ большой успѣхъ г-жа Бѣльская-Пригожая, любимица Петербурга (по частнымъ сценамъ), къ сожалѣнію неизвѣстная Москвѣ. Эта артистка имѣетъ прекрасную наружность, грацію и пикантность, необходимую въ опереткѣ, но чужда малѣйш й вульгарности или сальности, такъ часто встрѣчаемой въ оперетныхъ пѣвицахъ, и при этомъ обладаетъ довольно сильнымъ и симпатичнымъ голосомъ.

Представители комедіи Кирѣевъ и Е. Полтавцевъ, извѣстные Москвѣ. Нельзя не пожелать г-ну Костровскому, чтобы его труды вознаградились и его энергичная дѣятельность была оцѣнена публикою.

Кстати о здѣшней публикѣ: идутъ «Петербургскія когти», рядомъ со мной сидитъ сосѣдъ изъ *восточныхъ человѣковъ* и шикаетъ артисту, играющему ростовщика-армянина. «За что вы это?» спрашиваю, — «онъ такъ хорошо копируетъ армянскій акцентъ?» — «Шту харошива? Зачэмъ онъ дразнится»?...

Въ «Прикаспійскомъ» книжномъ магазинѣ купилъ только что полученную въ числѣ другихъ книгъ *Щедрина*, «Среди умѣренности и аккуратности». «Что, спрашиваю: какъ идетъ книга?» — «Плохо, отвѣчаетъ прикащикъ, — кому здѣсь читать-то? армяшки все свой шашлыкъ ѣдятъ да краснымъ виномъ запиваютъ», прибавилъ онъ.

Жара страшная. на улицахъ ни души, только купцы сидятъ возлѣ своихъ лавокъ, да татаринъ развѣ въ длинной рубахѣ безъ пояса, въ тюбетейкѣ и весь обливающійся потомъ, проведетъ лошадь, чтобы выкупать въ «Кутумѣ». Вечеромъ въ театрѣ можно встрѣтить довольно публики; послѣ спектакля и въ антрактахъ публика гуляетъ по саду и по вокзалу, но васъ поражаетъ молчаливость гуляющихъ, — ходятъ и молчатъ. Не встрѣтишь ни спорящихъ, ни оживленно разговаривающихъ. Да и странно было бы здѣсь оживленно говорить или спорить, о чемъ? — Газетъ никто не выписываетъ, новости дня не существуютъ, все тишь да гладь, да Божья благодать... О чемъ же говорить? Ну и остается говорить только о *селедкѣ* (главный предметъ здѣшней промышленности). «Сколько, Сидоръ Сидорычъ, сегодня поймали?» любопытствуетъ одинъ. «Да милліончикъ, а вы, Карапетъ Карапетычъ»? — «Ми тожи около того». Чтеніе «Астраханскаго Листка» тоже немного слаще слушанія разговора о селедкѣ. Очень интересно, напримѣръ, прочитать въ 56 № отъ 11 мая, что по словамъ «Русской Газеты» въ Москвѣ *въ концѣ вел̣икаго поста* г-ну Малкіель, поставщику сапоговъ для арміи, задали обѣдъ, стоющій 10,000 р., или: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ о такой-то катастрофѣ, происшедшей *17-го апрѣля*». А печатается это 11-го мая. Ну, чѣмъ же это лучше разговора о селедкѣ!

Люли Кибавъ Шашлыковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ЖИТЕЛЯМЪ СОКОЛЬНИКОВЪ

Мирные обитатели Сокольниковъ, позвольте, наконецъ, спросить васъ, долго-ли вы намѣрены смотрѣть равнодушно на тѣ факты денныхъ грабежей, которые совершаются въ вашихъ нѣдрахъ чуть-ли не каждый Божій день? — Вы пожалуй отвѣтите: «Вамъ то, милостивый государь, какое до этого дѣло? Мы къ этому привыкли, а потому просимъ оставить насъ въ покоѣ». Но вамъ, почтенные дачники, вѣроятно хорошо извѣстно, что чрезъ ваши *мирныя* просѣки приходится проходить не однимъ только привычнымъ къ этому, вашимъ дачникамъ, но — и многимъ живущимъ за Сокольниками; за что же ихъ-то подвергать опасностямъ!?

Лѣто только что успѣло вступить въ свои права, а между тѣмъ три крупные факта грабежа (не говоря о мелкихъ) уже совершились. Что всего наивнѣе, такъ это — грабятъ среди бѣлаго дня. Такъ, напримѣръ, вамъ хорошо извѣстно, одинъ изъ нашихъ московскихъ фабрикантовъ А. И. Т-въ, имѣющій свою дачу въ Сокольникахъ, на дняхъ поплатился довольно крпной суммой. Въ пятомъ часу вечера, въѣхавъ за заставу, отпустилъ своего кучера, которому приказалъ ѣхать по одной просѣкѣ, а самъ, вѣроятно желая прогуляться, пошолъ по другой болѣе тѣнистой. Въ это время былъ встрѣченъ тремя субъектами, которые стали-было его колотить, и упрашивая ихъ оставить себя въ живыхъ — пришлось предложить имъ то, что было съ нимъ. У него на этотъ разъ оказалось денегъ и вещей на сумму свыше тысячи рублей, которыя отданы были своими руками; помощи просить было не у кого.

Другой случай грабежа въ Сокольникахъ, намъ извѣстенъ изъ газетъ. Одинъ контролеръ, служащій на желѣзной дорогѣ, поплатился также на «лучевой просѣкѣ; у него отняли часы съ цѣпочкой и бумажникъ съ деньгами; въ довершеніе исколотили несчастнаго настолько, что онъ едва остался живымъ.

Въ каретѣ конной желѣзной дороги я разговорился объ этихъ печальныхъ фактахъ съ однимъ господиномъ, живущимъ въ Сокольникахъ, и онъ оказался не болѣе счастливымъ чѣмъ двое вышеупомянутыхъ. У него также, на одной изъ просѣкъ, двое мошенниковъ отняли часы, о чемъ имъ, какъ онъ объяснилъ, было заявлено полиціи.

Въ виду недостаточности надзора для пресѣченія этихъ явленій, и — частаго повторенія ихъ, — я позволяю себѣ сказать слѣдующее: такъ какъ жители Сокольниковъ, люди болѣе или менѣе со средствами, то чтобы не подвергаться такимъ случайностямъ и не лишаться крупныхъ цѣнностей, было бы раціонально собрать имъ по подпискѣ сумму, и, испросивъ у города разрѣшеніе, поставить въ глухихъ просѣкахъ, на лѣтнее время сторожки, и при каждой двухъ сторожей, которые-бы охраняли проход [illegible] огда, какъ дачникамъ, такъ и прочимъ лицамъ. представится возможность проходить просѣками, не [illegible] оставиь въ рукахъ лѣсныхъ хищниковъ быть можетъ цѣлое состояніе...

Ф.

КУРЬЕЗНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢЩЕНІЯ

НЕОБХОДИМО всѣмъ жителямъ Москвы купить у меня особеннаго устройства очки съ пробочникомъ для носа отъ московской пыли и вони.

Оптикъ Шмитъ.

—

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Новое изобрѣтеніе собственно для Москвы, пріятный подарокъ для всякаго возраста.

Лѣто. Плащъ, пропитанный карболиномъ, съ гуттаперчевою маскою, предохраняющій отъ пыли и эпидемій.

Осень. Сапоги великаны съ подковами, спасающіе пѣшеходовъ отъ паденія на тротуарахъ. Шляпы съ фонаремъ, вполнѣ замѣняющія для каждаго уличное освѣщеніе.

Зима. Сапоги-лыжи; шапки-снѣгоотводы, спасающія проходящихъ тротуарами отъ паденія снѣга съ крышъ.

Весна. Ходули механическія съ пульверизаторомъ для Ждановской жидкости.

Всѣ аппараты одобрены врачами; покупать можно въ американскомъ магазинѣ Нью-Іоркъ.

—

ПЯТЬ РУБЛЕЙ НАГРАЖДЕНІЯ тому, кто будетъ въ цѣлости доставлять въ контору городскихъ линеекъ пьяныхъ кучеровъ, оброненныхъ проѣздомъ съ козелъ на пути отъ Ильинскихъ воротъ до Введенской площади.

—

НУЖНА, если можно, то на прокатъ, не на долгое время совѣсть благороднаго человѣка для сдачи акціонернаго отчета. Просятъ заявить о согласіи чрезъ газеты.

—

ПО СЛУЧАЮ открытія танцовальныхъ вечеровъ въ Санъ-Суси, я переѣхалъ напротивъ и подаю помощь во всякое время ночи на мѣстѣ и на выносъ.

Костоправъ Костоломовъ.

—

МОСКОВСКІЕ МОСТЫ осмѣливаются почтительнѣйше напомнить Московской Городской Управѣ о своихъ лѣтнихъ костюмахъ, потому что зимніе костюмы у нихъ сильно износились: остались однѣ дыры да заплаты.

—

ДИВНЫЯ ЛОШАДИ, на которыхъ слѣдовало бы обратить вниманіе Обществу покровительства животныхъ въ Москвѣ, дѣлаютъ по 18-ти концовъ въ день, каждый конецъ 5 верстъ, что составляетъ 90 верстъ; возятъ парой 200 пудовъ въ каждый конецъ, что составляетъ 3600 пудовъ въ день; ѣдятъ немного, потому что много не даютъ имъ ѣсть, въ кнутѣ отказа не имѣютъ; ребра у нихъ можно считать, не ощупывая. Видѣть ихъ можно ежедневно безплатно съ 8-ми часовъ утра до 10-ти вечера у Ильинскихъ воротъ, гдѣ стоятъ городскія линейки.

СОДЕРЖАНІЕ:

Шутки чертей въ городѣ Перешляевѣ. И. Вашкова.—Откровенность. Стих. И. В.—Наемъ кучера. А. Д—жаго.—Исторія цивилизаціи въ Москвѣ бѣлокаменной. Философа Изподтишкина.—Новыя новости N. N.—Парижская всемірная выставка. Письма Виконта Се-не-па-вре.—Очерки и картинки провинціальныхъ палестинъ. Пустозвона.—Астраханскіе замѣтки и курьезы. Люли Кибавъ Шашлыкова.—Нѣсколько словъ къ жителямъ Сокольниковъ. Ф.—Курьезныя объявленія и извѣщенія.—Рисунки.—Объявленія.

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой. Москва 31-го Мая 1878 года. Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).